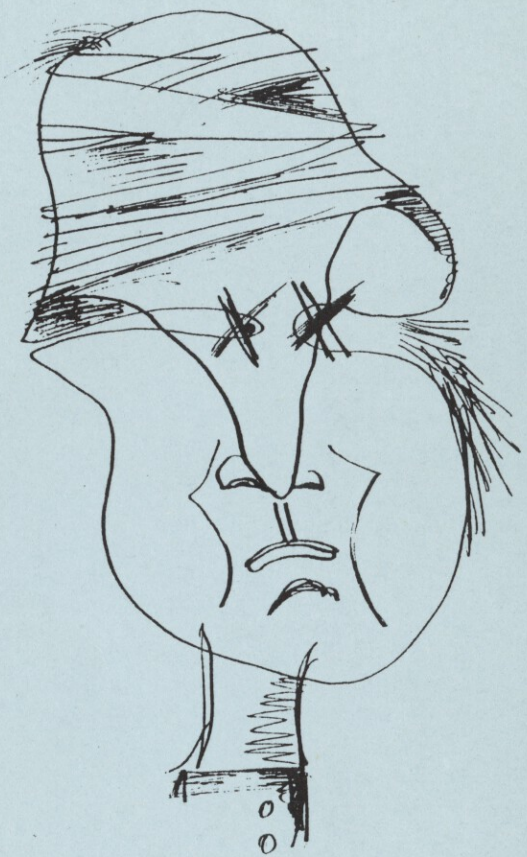
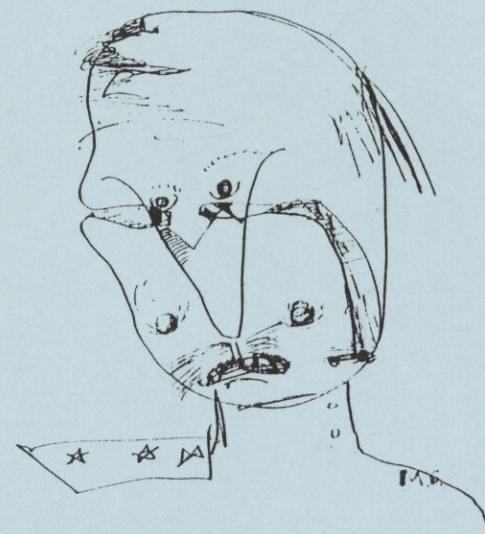

Богатырь

ВОЛОНТЕРЫ

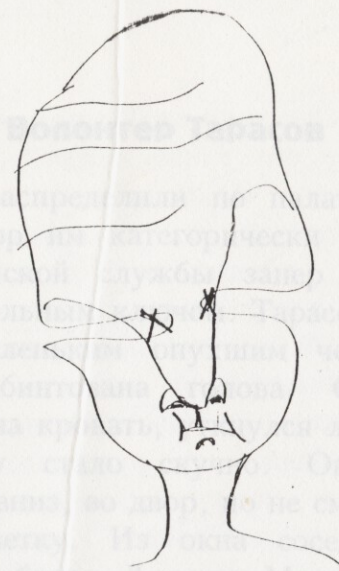

рисунки: Саша Путов
текст и графические
заставки: Богатырь

editions STETHOSCOPE
PARIS
1999

экз. № 13
ИТР-В 5.04.99

© Стетоскоп 1999
© А. Путов 1999, графика
© М. Богатырев 1999, текст и графика

*Эта книга задумана как серия сообщений
о людях, пребывающих в измененном
состоянии сознания.*

*В ее основу положены реальные факты
испытаний нейролептических препаратов
на студентах-добровольцах
в Военно-Медицинской Академии г. Ленинграда
в 80-е годы.*

*Сюда также сведены и некоторые эпизоды
из жизни русских поселенцев в парижских
скватах. Книга составлена из фрагментов,
этим объясняется ее принципиальная
незавершенность.*

*Текст, рисунки и макет создавались
в Музее Будущего
6, rue Pastourelle 75003 Paris*

Волонтер Тарасов

Волонтеров распределили по палатам попарно. Выходить в коридор им категорически запрещалось: полковник медицинской службы запер их снаружи трехгранным контрольным ключом. Тарасов оказался в одном боксе с маленьким опухшим человечком, у которого была забинтована голова. Опухший со вздохом опустился на кровать, уткнулся лицом в стену и затих. Тарасову стало скучно. Он попытался посмотреть из окна вниз, во двор, но не смог просунуть голову сквозь решетку. Из окна соседней палаты доносился громкий базар Лося и Михайлы: друзья собирались разорвать бланки с результатами анализов крови и пустить их на игральные карты.

Дверь в палату бесшумно отворилась и пропустила все того же полковника. На сей раз его сопровождал дюжий санитар, толкавший перед собой стальной стеллаж на колесиках. При пересечении порога каталка едва не перевернулась, слышно было как рассыпались пинцеты и иглы, угрожающе зазвенели составленные в ряд пробирки. Смерив санитару уничижительным взглядом, полковник властно потрепал по плечу опухшего человечка и, не дожидаясь ответной реакции, приступил к объяснению эксперимента.

"Некоторым из вас достанется нейтральное вещество, — сказал полковник, — таким образом мы с формируем контрольную группу испытуемых. Ну, а остальные получают различные дозы нового нейролептического средства: ослабленную, полную и усиленную."

Классификация доз доставляла полковнику явное удовольствие: его глаза сияли, а губы собрались в куриную гузку. "Наше средство мы распределяем по жребию, поэтому не обессудьте, уж кому что достанется,— продолжал он,— но оплата всем одинаковая: полторы тыщи за три дня экспериментов."

Опухший смачно высморкался, сел на койку и принялся внимательно изучать пальцы своих ног, выглядывающие из застиранных зеленых носков. Заметив пробирку в руке подошедшего к нему медбрата, он послушно открыл рот и высунул сложенный лодочкой язык. "Узнаю ветерана!— радостно воскликнул полковник.— наших ветеранов ни скем не спутаешь!"

Когда щепотка белого порошка была аккуратно высыпана опухшему на язык, лицо его приняло сосредоточенное выражение и он трижды демонстративно сглотнул, после чего снова широко раскрыл рот, предоставляя медбрата убедиться в том, что задание выполнено без обмана. "Теперь ваша очередь,"— бодро сказал Тарасову полковник. Тарасов съежился, закрыл глаза и разинул рот. "Язык-то достань. Ишь ты! Куда язык-то спрятал?"— рассердился нижний медицинский чин. Тарасов высунул язык и тут же ощутил горечь синтетической химии.

"Ну-ка, проверь!"— обратился полковник к медбрата. Тот достал из нагрудного кармана эбонитовую лопатку и разжал Тарасову зубы.

"Глотай еще раз!"— приказал он.

"У меня нет слюны,"— ответил Тарасов.

"Собери со щек и глотай,"— сказал санитар.

Тарасов повиновался.

Следы гусениц

Бронированный фургон притормозил возле бензоколонки. Лейтенант неловко зашевелился в кабине. Он выжал ржавую рукоять ручного тормоза, потом нащупал сзади металлическую пластину, отодвинул ее и прильнул к круглому отверстию, через которое можно было сообщаться с салоном. "Автозаправочная, — строго сказал он. — Желающие оправиться есть?" "Есть, есть," — донеслись до него нестройные голоса волонтеров. "Распределяемся по двое и на выход," — приказал лейтенант и толкнул в бок своего помощника. Тот забросил за спину автоматическую винтовку, выскочил из машины и пошел открывать пыльную боковую дверь, на которой свежей краской был прорисован внушительный пунцовый крест. Лейтенант спустился следом за ним, вынул из кармана гимнастерки лист бумаги и принялся монотонно читать имена по списку:

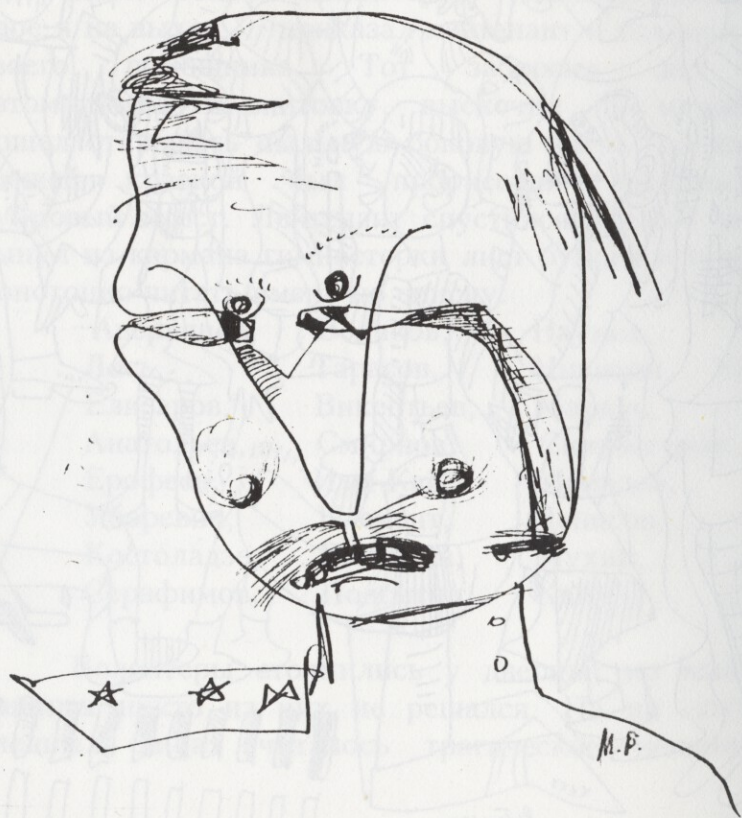
—Аверьянов,	Волчков,	Наумов,
Лось,	Тарасов,	Никитин, Ханин,
Елизаров,	Викентьев,	Маркус,
Анатолев,	Смирнов,	Сильвестров,
Ерофеев,	Цзы-Кай,	Мамедов,
Уборевич,	Клемент,	Денисов,
Костоладзе,	Евпятьев,	Мухин,
Серафимов,	Подбитин,	Ким

Волонтеры столпились у дверцы, но выйти из машины никто из них не решался. На их опухших, бледных лицах читалось трагическое непонимание

происходящего. "Что за чертовщина?— подумалось лейтенанту.— Ах, да, я же забыл, им следует подавать персональные команды, иначе они не подчиняются."

В этот момент помощник лейтенанта истошно закричал. "Что такое?"— побежал к нему лейтенант. "Следы! Здесь следы гусениц!" Лейтенант огляделся. Все поле было изрыто неприятельскими бронемашинами.

Почтальон Наумов 1

Оглушенная вечность сельского почтальона. Ветер, изморось, стук деревянных подошв. Медленное, как сквозь вату, мышление. Воспоминание. Точка.

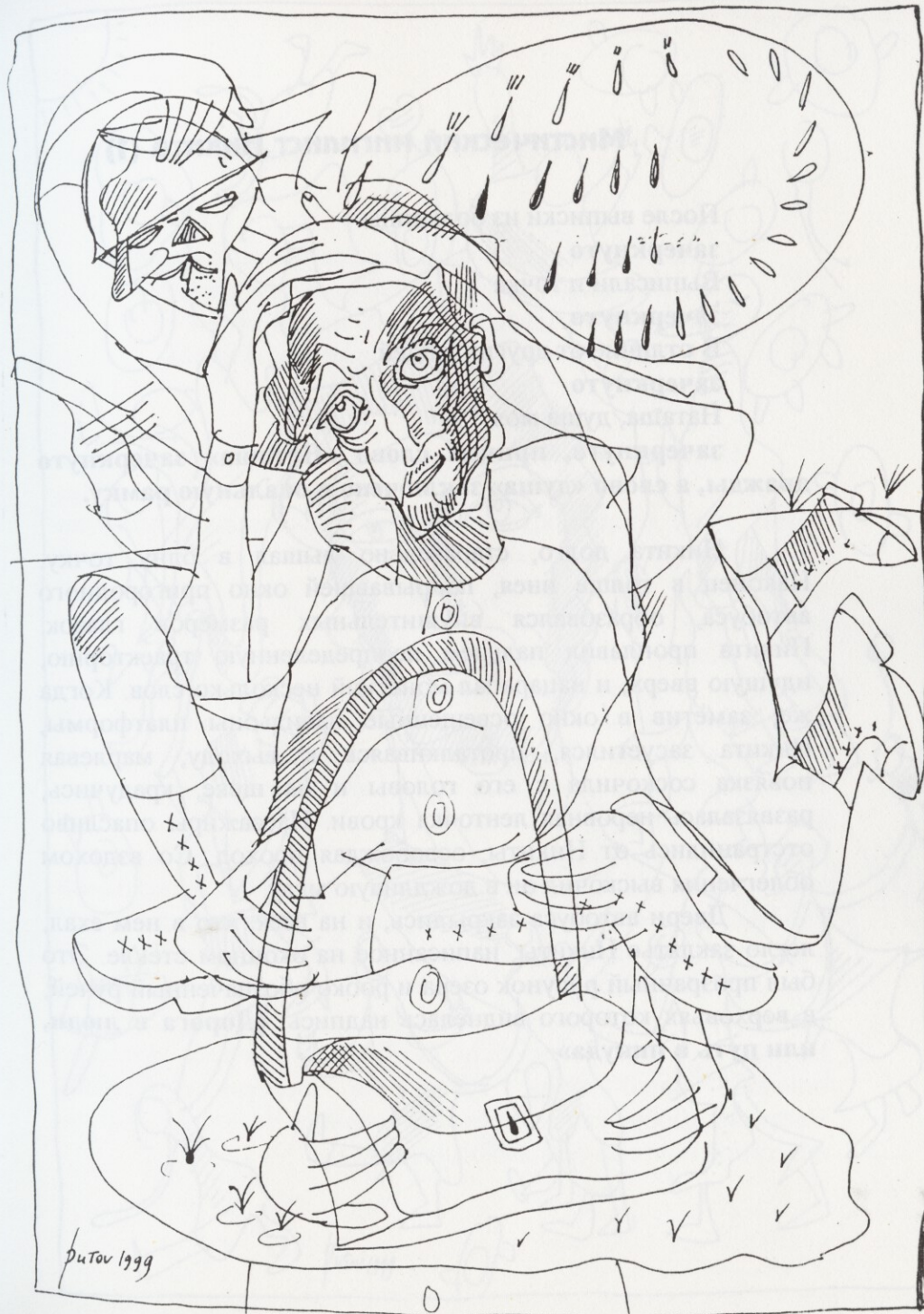
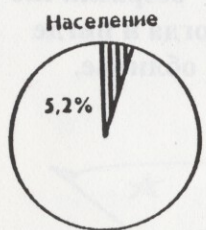
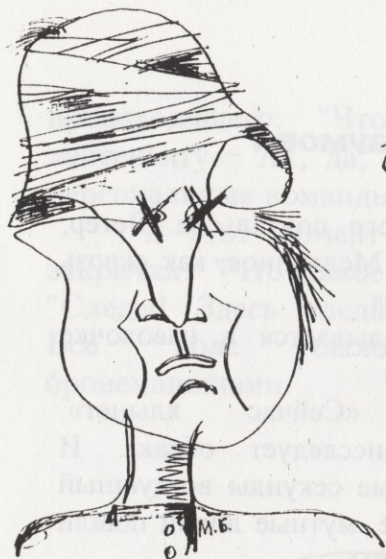
Холодная капля дождя расплывается в наволочке лица.

Наумов забеспокоился: «Сейчас хлынет». Недоверчивый взор почтальона исследует облака. И действительно, хлынуло. В считанные секунды воздушный войлок сваялся в клочья. Скользкие, мутные ливни пошли по холмам татаро-монгольским набегом.

Наумов прибавил шагу, нетерпеливо нащупывая в карманах полиэтиленовый пакет, чтобы накрыть голову. Одно неосторожное движение — и раскрашенные квадраты рекламных проспектов веером соскользнули в траву.

В правой руке Наумова — скомканная карта местности и прозрачная шапка. Левая рука Наумова отдыхает, освободившись от тяжести. Губы Наумова беззвучно шевелятся. Из его воспоминаний выпал самый важный фрагмент — начало. Все остальное легко восстанавливается с полуслова:

отражение облака. Облако в мутной воде
понимаю ли, помню ли, было ли, нет — безразлично
Безымянный мой ангел, ведь мы никогда и нигде
Не сойдемся уже в этом мире и в этом обличье.

Мистический нигилист Никита (1)

После выписки из больницы

зачеркнуто

Выписали и точка

зачеркнуто

В отличие от других людей

зачеркнуто

Наташа, душа моя

зачеркнуто, причем слово «Наташа» зачеркнуто дважды, а слово «душа» заключено в овальную рамку.

Никита долго, старательно дышал в одну точку. Наконец в толще инея, покрывавшей окно пригородного автобуса, образовался внушительных размеров глазок. Никита проплавил пальцем неопределенную траекторию, идущую вверх, и нацарапал монеткой несколько слов. Когда же, заметив в окно освещенные павильоны платформы, Никита засуетился, проталкиваясь к выходу, марлевая повязка соскочила с его головы и на щеке, крадучись, развязалась неровная ленточка крови. Пассажиры опасливо отстранились от Никиты, освобождая проход. Со вздохом облегчения выскочил он в дождливую мглу.

Двери автобуса закрылись, и на всех, кто в нем ехал, легло заклятье Никиты, написанное на оконном стекле. Это был прозрачный рисунок озера и робко обозначенный ручей, в верховьях которого виднелась надпись, «Дорога в люди, или путь в никуда».

Почтальон Наумов (2)

Только лодка качалась, да след исчезал на песке
Уходя от людей, это тело сносило покорно
И себя самое, и застрявшее в левом виске
Щебетание птиц, и улыбку под самое горло

Наумов вспомнил концовку своего юношеского стихотворения и улыбнулся. Игольчатый механизм боли терзал кожу вокруг шрама, отзвуки мышечных скрипов по слуховым трубам капилляров собирались в виске, который вибрировал, как эхолот, сотрясался, как зашкаливший сейсмограф.

«Если разошлись швы, то придется пережимать артерию, — размышлял Наумов. — Не очень-то хочется умирать на пустыре от потери крови». За неимением платка он утерся листом бумаги, и лишь потом понял, что это была карта местности. Розоватая влага моментально ее разъела, так что маршрут сельского почтальона, намеченный для Наумова шефом, расплылся в сплошное чернильное пятно. Ужас положения был в том, что за пять часов пешеходной работы Наумов отошел от конторы километров на двадцать, а дорогу назад он не знал. Жители деревни ничем не могли ему помочь, потому что изъяснялись они на своем языке, неизвестном филологической науке. Тщетно стучался Наумов в освещенные окна особняков, пытаясь жестами описать своего шефа, тунисского террориста Ахмеда. Напрасно изображал он портрет товарища Че, увиденный им в витрине почтово-рекламного ведомства.

Жители отворачивались от него, а некоторые кретины из стариков, затаившись, смотрели сквозь шторы, выжидали, когда он отойдет подальше или свернет на другую улицу, после чего, трясаясь от нетерпения, бежали закрывать ставни. Мерзкий скрип опускающихся оконных решеток да яростный лай собак сопровождал Наумова в его блужданиях по далеким окраинам.

Наконец он оказался в центре поселка, на площади, где по левую руку притулилась овальная синагога, а два десятка рыночных лотков отгородили ее от католической церкви, шпиль которой, сотрясаемый спазмами ливня, напоминал гигантскую рыбную кость, застрявшую в гортани певца.

Мистический нигилист Никита (2)

После того, как Никита

зачеркнуто

Когда Никита выписывался

зачеркнуто, не понравилось слово «выписывался»

Когда Никиту наконец, выпустили на свободу

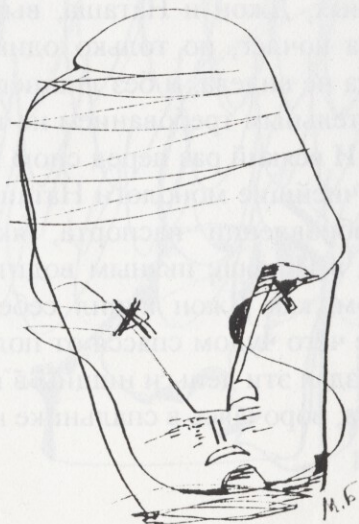
зачеркнуто

После выписки из психушки Никита долго блуждал по друзьям и знакомым, жалуясь на то, что ему некуда податься. В конце концов все, кого он знал, отвернулись от него, людям надоели бесконечные жалобы и причитания

зачеркнуто

После выписки из психушки Никита долго блуждал по друзьям и знакомым, жалуясь на то, что ему некуда податься. В конце концов всем надоели бесконечные жалобы и причитания Никиты, и люди отвернулись от него. Впрочем, двое беспаспортных, Джон и Наташа, выразили готовность принимать его на ночлег, но только один раз в неделю, и чтобы консьержка не видела, и без лишнего шума, да к тому же еще и с унижительным требованием не тушить в коридоре сигареты об пол. И всякий раз перед сном Никиту обязывали выслушивать скучнейшие монологи Наташи, все об одном и том же, о возобновлении паспорта, якобы украденного восемь лет назад в Польше пьяным водителем украинского автобуса, и о том, как Джон купил себе фальшивые пьес д'идентите, после чего чудом спасся от полицейской облавы. «Лучше бы ты раздал эти деньги нищим в метро», – вставлял свое слово Никита, ворочаясь в спальнике на полу.

Наташа выходила с тарелками из-за стола, укоризненно качая головой. Тем не менее она искренне жалела Никиту, ей казалось, что все, происходящее с этим человеком, подчинено особому, строгому предопределению. Ведь не случайно же Никита разбил себе голову об фонарный столб, когда спешил с визитом в барак для буйнопомешанных, где томился бездомный старец Лев Яковлевич, обучавший когда-то маленького Никиту рисунку. Удар был чудовищный, Никита раскроил себе левый висок и потерял много крови. Набежавшие психиатрические санитары, пошептавшись между собой, предложили Никите несколько необычную помощь: «Мы могли бы зашить вашу рану сейчас же, но без наркоза. Обычной иглой и портновскими нитками». Раздумывать было некогда: Никита, слабея от потери крови, все-таки понимал, что без медицинской страховки ему до хирургии не добраться. «Зашивайте!» – кратко сказал он и отключился. Санитары обхватили его наподобие муравьев, обнаруживших засохшую стрекозину лапу, и поволокли в перевязочный пункт.

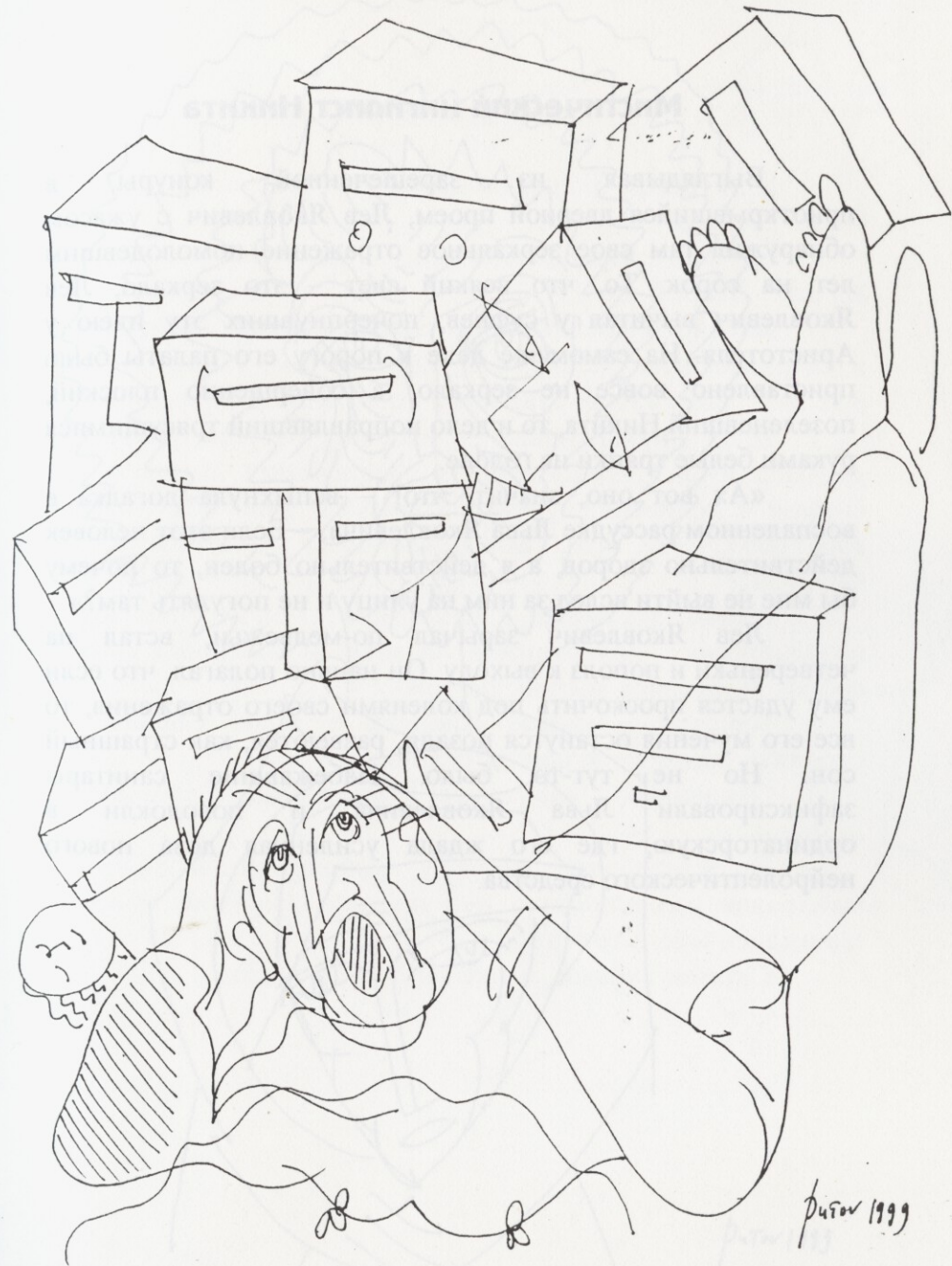

Почтальон Наумов (3)

За несколько дней принудительного пешеходства Наумов постиг многообразие мира, выраженное в формах почтовых ящиков. Ему попадались ящики, врезанные в ворота снизу, и чтобы достать до щели, приходилось нагибаться, придерживая на боку тяжелую сумку. Были ящики, приколотенные к столбам много выше человеческого роста, так что почтальону приходилось подниматься на цыпочки. Были ящики в форме скворечников, с плоскими деревянными козырьками, и требовалось немало сноровки, чтобы просунуть рекламу в узкий миллиметровый распил. Были ящики, вправленные в кирпичные тумбы, с козырьком, утапливающимся внутрь от нажатия пальца. Но на такие ящики, как правило, ставилась очень тугая пружина, и козырек больно ударял торопливого почтальона по костяшкам пальцев. Были также овальные ржавые ящики, с тиснением USA-mail на торце. Здесь приходилось долго возиться в затейливой щеколдой, теряя драгоценное время.

Были ящики зеленые и белые, с легкими пластиковыми козырьками, уходящими внутрь и не цепляющимися за руку. Были просто широкие цементные щели в стенах домов. Были ящики, доверху набитые размокшими газетами и рекламой, и это наводило почтальона на мысль о том, что их владельцы либо в отпуске, либо в больнице, либо на том свете. Были черные ящики с вертикальным отверстием для газет, и вторым, чуть поменьше, для писем. Были также одинаковые деревянные соты в коридорах студенческих общежитий.

Когда же Наумов глубокой ночью доползал после работы до дома, его одеревенелое тело моментально проваливалось в сон, но и во сне он видел все то же самое: ящики... ящики... ящики...

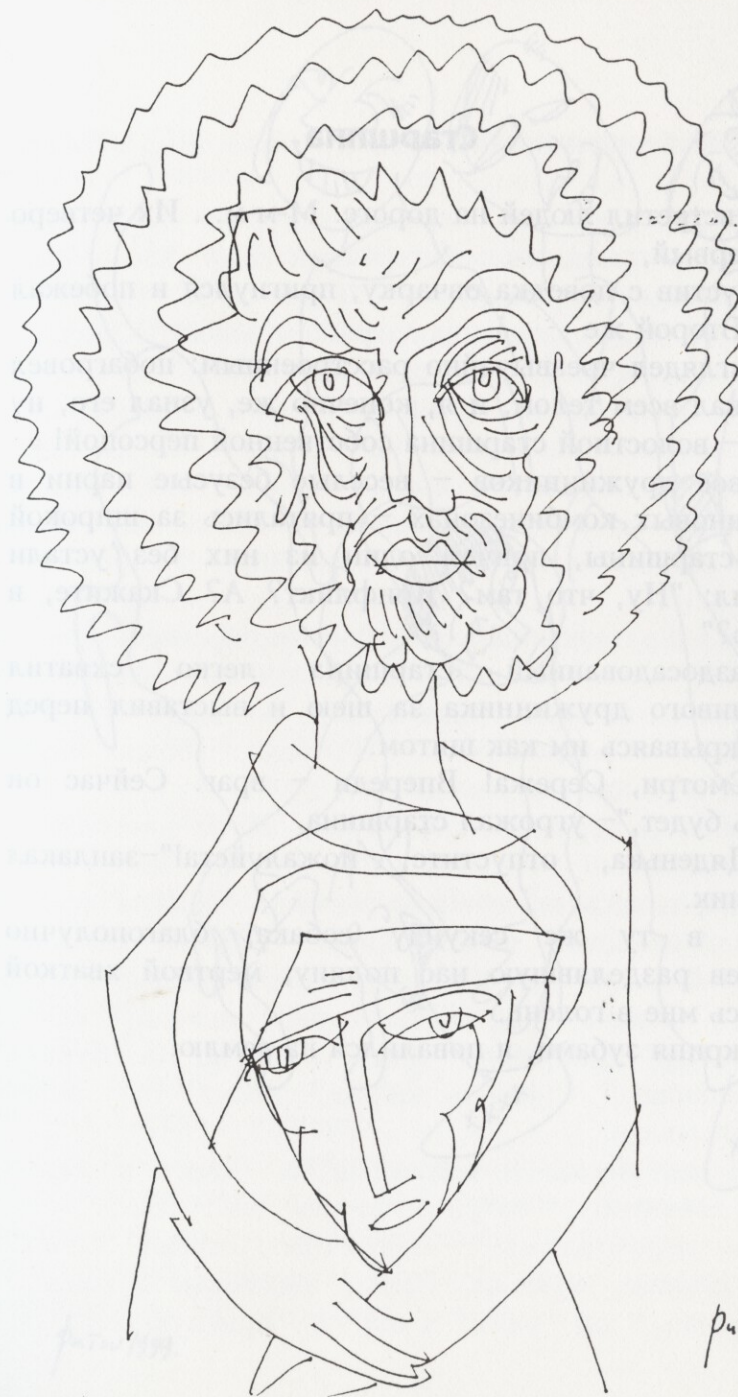
Ригин 1999

Мистический нигилист Никита

Выглядывая из зарешеченной конуры в приоткрывшийся дверной проем, Лев Яковлевич с ужасом обнаружил там свое зеркальное отражение помолодевшим лет на сорок. То, что всякий свет – это зеркало, Лев Яковлевич вычитал у суфиев, почерпнувших эту идею у Аристотеля. На самом же деле к порогу его палаты было приставлено вовсе не зеркало, а совершенно плоский, позеленевший Никита, то и дело поправлявший трясущимися руками белые тряпки на голове.

«Ах вот оно, значит, что! – вспыхнула догадка в воспаленном рассудке Льва Яковлевича. – Если этот человек действительно здоров, а я действительно болен, то почему бы мне не выйти вслед за ним на улицу и не погулять там?»

Лев Яковлевич зарычал по-медвежьи, встал на четвереньки и пополз к выходу. Он наивно полагал, что если ему удастся проскочить под коленями своего отражения, то все его мучения останутся позади, развеются, как страшный сон. Но не тут-то было. Набежавшие санитары зафиксировали Льва Яковлевича и поволокли в ординаторскую, где его ждала усиленная доза нового нейролептического средства.

Старшина

Я встретил людей на дороге. М-м-м... Их четверо было. Первый,

спустив с поводка овчарку, пригнулся и побежал ко мне. Второй же

выглядел чрезвычайно расстроенным: побагровел и задрожал всем телом, и я, конечно же, узнал его, ну как же! — волостной старшина собственной персоной!

Двое дружинников — веселые безусые парни в дермантиновых комбинезонах — прятались за широкой спиной старшины, причем один из них без устали тараторил: "Ну, что там? Конфликт? А? Скажите, в чем дело?"

Раздосадованный старшина легко схватил незадачливого дружинника за шею и выставил перед собой, укрываясь им как щитом.

"Смотри, Сережа! Впереди — враг. Сейчас он стрелять будет," — угрожал старшина.

"Дяденька, отпустите, пожалуйста!" — заплакал дружинник.

И в ту же секунду собака, благополучно преодолев разделявшую нас поляну, мертвой хваткой вцепилась мне в голень.

Скрипя зубами, я повалился на землю.

Музыкальная пауза (Кир Австралиец и Хвост)

В отличие от многих других посетителей, скучных и праздных, Австралиец Кир точно знал, зачем он ходит в русский клуб "Симпозион". Целый год задавал он дедушке русского рока Алексею Хвостенко один и тот же вопрос: "Когда же, Хвост, мы с тобой песни-то записывать будем?" "Песни, говоришь?" — переспрашивал Хвост. "Ну да, песни". Тогда Хвост начинал искать песни в ящике своего стола. "Знаешь что, ты приходи в понедельник. Мне сейчас недосуг, но к понедельнику я обязательно их найду". В какой-то из понедельников Хвост передал-таки песни Киру: "Видишь, дед, здесь слова невозможно прочесть. Ребята вчера все вином залили". И указал на Савельича с Легионером, которые шахматами по доске стучали, ухмылки в бороды пряча. "Не беда, — бодро сказал Кир. — Я перепечатаю заново".

Месяца через два, заметив в клубе Австралийца Кира со свежими оттисками песен в руках, Хвост надел очки и принялся вычитывать ошибки. "**Златы солнца купола,** — шепотом читал Хвост. — **Рваны выхлопы тумана, Поняла ли ты коня Среди полей густых буяна?**" "Слышь, дед, здесь у тебя ошибка, — сказал Хвост. — "**Эр**" пропущено. Здесь не "**буян**", а "**бурьян**" должно быть". Кир забрал песни и пошел перепечатывать.

Через месяц — новая читка. Хвост в первой строчке вычеркнул "**зэ**", а во второй "**вэ**". "Здесь лучше пустить перечисление, — задумчиво сказал Хвост. — **Латы, солнце, купола, Раны, выхлопы, туманы...**" Утомившись, он снял очки и прислушался. На

лестнице, на самом верху, Савельич с Легионером стучали ногами. Они спускались в клуб очень медленно, стараясь не уронить бутылки и не повредить телеса. Но их опередил Демьян Козлов, яростный трезвенник. Ворвавшись в клуб, он по ошибке принял Кира за пьяного, а посему схватил его за шиворот и попытался вышвырнуть в коридор. Кир уперся локтями в простенок и слезно потребовал у Хвоста справедливости. Хвост нахмурился и сказал, что сделает Демьяну внушение. Тогда Демьян сменил гнев на милость, отпустил Кира и стал помогать Савельичу доползти до матраца. Легионер, вероятно, уснул на лестнице.

"Когда же мы будем записывать песни?" — в очередной раз спросил у Хвоста Австралиец Кир. "На этой неделе, дед, ничего не получится, — ответил Хвост. — Давай-ка лучше соберемся в следующий вторник, а к этому времени ребята здесь студию наладят." "Какую студию?" — поинтересовался Кир. "Четырехканальную".

Во вторник пришел Макс-Евросакс, подкатили Давшан, Богатырь и Батусов с балалайками и гитарами. Легионер с Савельичем внимательно огляделись и ушли за вином. Алексей Давшан, яростный трезвенник, свернул петарду, но раскурить не успел, потому что в клуб заглянул Товарищ Че и вызвал Хвоста в коридор.

"Ну, все, ребята, кранты! Теперь можно сворачивать запись," — рассердился Кир и ударил ладонью по столу. От неожиданности Давшан рассыпал драгоценную табачную крупку. Всем известно, что композитор Че отрицает рок-музыку и использует

Хвоста как оратора, вещающего на фоне заунывных восточных мелодий.

Чтобы свести крышу Товарищу Че, Батусов с Богатырем, посоветавшись, затеяли импровизированные Некрасовские чтения. "Отца, слышишь, рубят, А а ухожу..." — пел Богатырь, а Батусов пенделькал на балалайке. Макс-Евросакс расчехлил инструмент и продул мундштук. Тут из коридора, как ошпаренный, выскочил Товарищ Че с требованием тишины. "К нам пришел журналист из *Либерасьон*. Хвост дает интервью," — объяснил он. Музыканты соскучились, Богатырь умолк, а Австралиец Кир зачастил в туалет: не успеет вернуться, как снова ему не терпится. "У тебя что, мочевого пузыря безразмерный?" — поинтересовался наблюдательный Савельич. "Да нет, я специально опраляюсь по частям, чтобы иметь возможность, проходя мимо Хвоста, лишний намекнуть ему, что к записи все готово."

Однако когда Хвост, наконец, освободился и подсел к столу, то по своему обыкновению он принялся вычитывать песни. Лицо его приняло сосредоточенное и хмурое выражение. "А не кажется ли тебе, что вот эта строчка звучит как-то по немецки?" — спросил он Кира. "Какая строчка?" — заволновался Австралиец. "**Я буду иметь хорошие гены, Я танцующий человек**". "Ну хорошо, давай поправим," — согласился Австралиец Кир. На новом витке вивисекции Хвост был изыщен и изобретателен. Он взял ручку и, поразмыслив две-три секунды, написал: "**Их либен имет хорошие гены**". "Тогда, может быть, мы и "я" в следующей строчке переправим на немецкое "их"?" — предложил Кир. "А

вот это уже ни к чему, — сказал Хвост. — "Я" и без того звучит по-немецки".

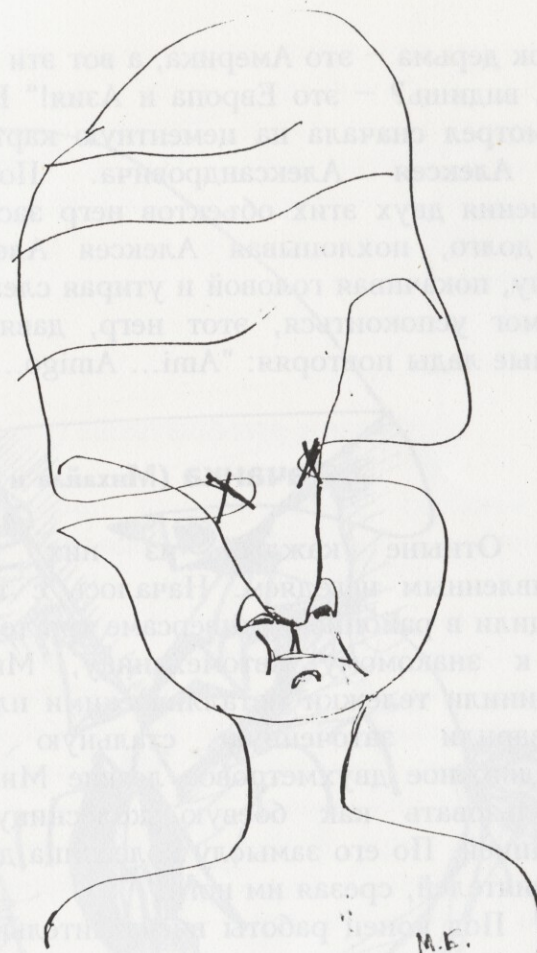
Австралиец покорно принял из рук Хвоста свою рукопись и отправился к машинистке.

11.02.1999

Европа и Азия (Алексей Александрович)

...А зал ожидания был, как всегда, переполнен.
Второго вокзала я не нашел, а на третьем
Лежал Алексей Александрович, истинный воин,
Вполне равнодушный к любовницам, женам и детям

Запертый в цементной клетке Алексей Александрович бился головой об стену и требовал врача. Наконец, возникший из кровавого тумана врач трясущимися руками отсчитал для него пять таблеток "Рогипнола". Алексей Александрович залпом проглотил медикаменты и замолчал. Он молчал бы, наверное, до утра, когда бы сокамерник, огромный негр с подшибленным глазом, не донимал его своими бессмысленными вопросами. "Где находится Азия, а где Европа?" — интересовался негр каждые пять минут. Поначалу он был вежлив, но, поскольку Алексей Александрович не уделял ему никакого внимания, негр сорвался с лежанки и ударил его ногой в живот. Плоское шоколадное лицо с белыми глазами придвинулось вплотную и заговорило содрогающимся голосом: "Я же тебя по-человечески спрашиваю, где находится Азия, а где Европа?" Тогда Алексей Александрович закричал, ткнув пальцем в цементный пол: "Здесь, идиот ты этакий, здесь! Вон тот засохший

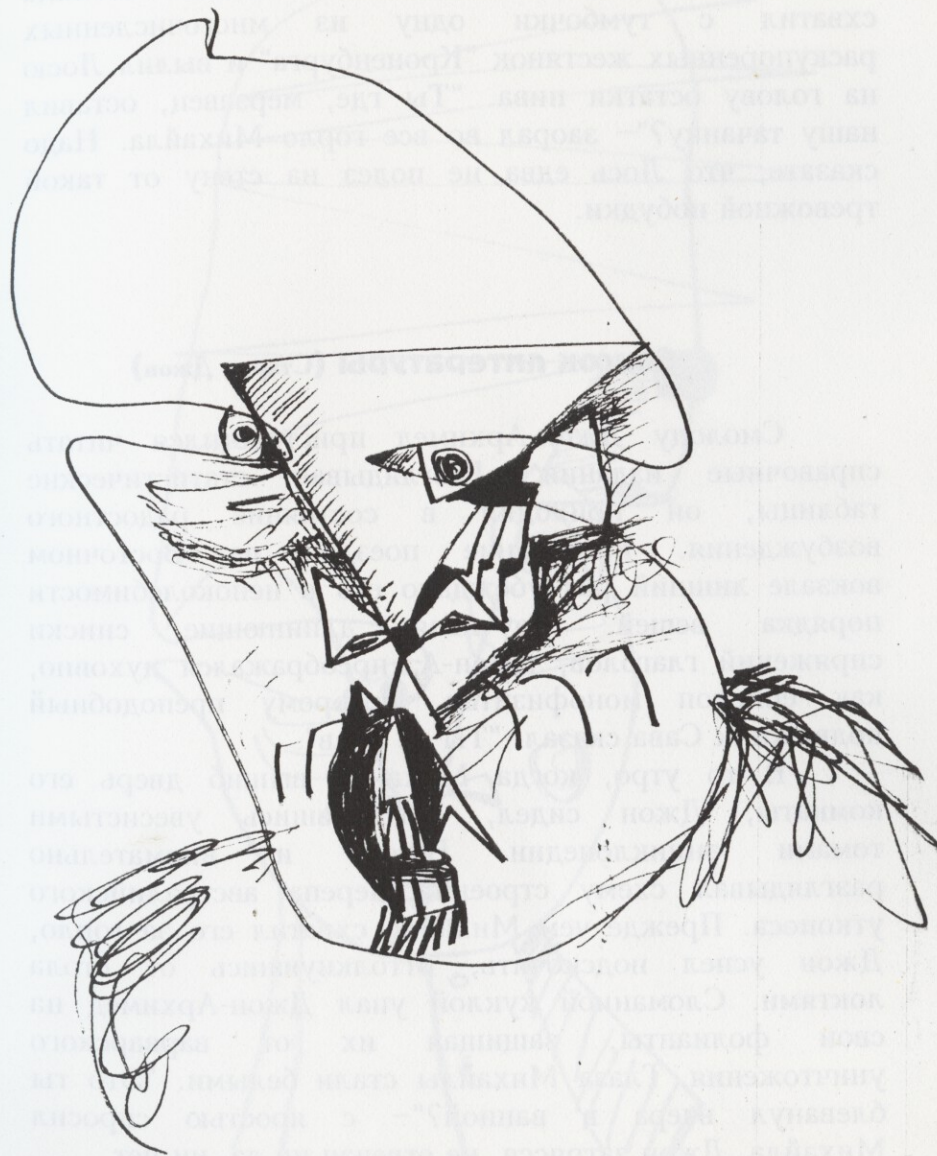

кусок дерьма — это Америка, а вот эти два плевка — вон там, видишь? — это Европа и Азия!" Негр недоверчиво посмотрел сначала на цементную карту мира, а затем на Алексея Александровича. После детального изучения двух этих объектов негр засмеялся. Смеялся он долго, похлопывая Алексея Александровича по плечу, покачивая головой и утирая слезы. Он все никак не мог успокоиться, этот негр, давясь смехом и на разные лады повторяя: "Ami... Amigo..."

Тачанка (Михайла и Лось)

Отныне каждый из них считал другого отъявленным негодяем. Началось с того, что друзья стащили в районном универсаме три тележки. Подогнав их к знакомому автомеханику, Михайла и Лось соединили тележки металлическими планками, а снизу приварили заточенную стальную пластину. Это передвижное двухметровое лезвие Михайла собирался использовать как боевую колесницу в стычках с полицией. По его замыслу колесница должна подсекать неприятелей, срезая им ноги.

Под конец работы впечатлительный Лось сильно нагрузился красным вином. Он не помнил, где оставил тележку и как добрался до своего логова. Утром разгневанный Михайла ударом ноги вышиб дверь его комнаты. Пивная бутылка, забытая на полу, отрикошетила от стены и ушибла Лося. Тот зашевелился, причмокивая губами, но не проснулся. Упакованный в спальник Лось показался Михайле гигантской личинкой тутового шелкопряда. Чтобы

издавиться от этого навязчивого видения Михайла схватил с тумбочки одну из многочисленных раскупоренных жестянок "Кроненбурга" и вылил Лосю на голову остатки пива. "Ты где, мерзавец, оставил нашу тачанку?"— заорал во все горло Михайла. Надо сказать, что Лось едва не полез на стену от такой тревожной побудки.

Список литературы (Старик Джон)

Смолоду Джон-Архимед пристрастился читать справочные издания. Разглядывая статистические таблицы, он приходил в состояние радостного возбуждения. Расписание поездов на Восточном вокзале лишний раз убеждало его в непоколебимости порядка вещей. Заучивая длиннющие списки спряжений глаголов, Джон-А. преображался духовно, как епископ монофизитов, которому преподобный подвижник Сава сказал: "Ты не прав".

В то утро, когда Михайла вышиб дверь его комнаты, Джон сидел, обложившись увесистыми томами энциклопедии Bordas и внимательно разглядывал схему строения черепа австралийского утконоса. Прежде чем Михайла схватил его за горло, Джон успел подскочить, оттолкнувшись от стола локтями. Сломанной куклой упал Джон-Архимед на свои фолианты, защищая их от варварского уничтожения. Глаза Михайлы стали белыми. "Это ты блеванул вчера в ванной?"— с яростью спросил Михайла. Джон затрясся, не отвечая ни да, ни нет.

